

Алексей
ТОЛСТОЙ

Князь Серебряный

Князь Серебряный // Эксмо, М., 2007

ISBN: 978-5-699-13907-1

FB2: "shum29", 20.11.2008, version 1.0

UUID: 06fffded-08f4-102c-8d0d-93418d0056af

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

**Зачинается песня от древних
затей. (Баллады, былины,
притчи)**

Алексей Константинович Толстой

**Зачинается песня от древних
затей. (Баллады, былины,
притчи)**

ВОЛКИ

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой;
А таинственный ход
Заключает девятый.
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.

Их ничто не пугает.
На село ли им путь,
Пес на них и не лает;
А мужик идохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят

И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи?
Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.

Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.
На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.

Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... с нами сила Господ-
ня!

1840^{-е годы}

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

*«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!*

*Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!*

*Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»*

1840-е годы

КУРГАН

*В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит:
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.*

*В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.*

Когда же его схоронили

*И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гусях гремя золотых:*

*«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!*

*И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»*

*И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.*

*Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.*

*А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?*

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какую?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крылами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня,

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий

С кургана забытого прах...

1840-е годы

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

*Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.
«Слово о полку Игореве»
Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.*

*Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя власы
Расчесывать златым.
Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет...*

*Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет!
В глухом лесу, в земле чужой,
В реке его приют,
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;*

*Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,*

*И чешет витязя власы
Их гребень золотой.*

*Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Яресь, Перун гремит,
Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.*

*Жену младую он зовет —
Увы! его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.*

*Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом грядней окружен,
Пирует дома брат.*

*Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.*

И он, склонясь на ржавый щит,

Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном...

1840-е годы

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

*Князь Курбский от царского гнева
бежал,
С ним Васька Шибанов, стремян-
ный.*

*Дороден был князь. Конь измучен-
ный пал.*

Как быть среди ночи туманной?

*Но рабскую верность Шибанов
храня,*

*Своего отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».*

*И князь доскакал. Под литовским
шатром*

*Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кру-
гом,*

*Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воз-
дает;*

Недаром дивится литовский на-
род,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался
другом».
Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;

Готовится Курбский царю пере-
честь
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напи-
шу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напро-
лет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова про-
чтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова

Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольню сомненья на князя наши...

Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:

«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»
И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»

Шибанов в ответ господину: «Добро!

Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;

Зовет ли обратно он прежний по-
кой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол
бьет,
И звону внимает московский на-
род,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят тере-
ма,
Звонит с ним и Вяземский лю-
тый,
Звонит всей опрични крошечная
тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной ду-
шой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь,
идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает на-
род,

Над шапкою держит посланье.

*И спрянул с коня он поспешно до-
лой,*

*К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»*

*И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне
вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий го-
нец!»*

*И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль – и внимает:
«Царю, прославляемому древле от
всех,
Но тонушу в сквернах обильных!»*

*Ответствуй, безумный, каких ра-
ди грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь
тяжкой войны,*

Без счета твердыни врагов сражены?

Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишишь бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Придет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лях и лях,
С тобой пред судьбою предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;

И все в ожиданье молчали.

*И молвил так царь: «Да, боярин
твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами
поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и
друг,
И много, знать, верных у Курбско-
го слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в засте-
нок!»*

*Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же го-
нец?
Назвал ли он вора друзей нако-
нец?»
«Царь, слово его все едино:
Он славит своего господина!»*

День меркнет, приходит ночная

пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять масте-
ра,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвал ли злодеев го-
нец?»
«Царь, близок ему уж приходит
конец,
Но слово его все едино,
Он славит своего господина:
«О князь, ты, который предать
меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе
Бог
Измену твою пред отчизной!

Услышь меня, Боже, в предсмерт-
ный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмерт-
ный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,

*Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желан-
ной!»*
Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е годы

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

*Без отдыха пирует с дружиной
удалой
Иван Васильич Грозный под ма-
тушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столов бли-
стает ряд,
Разгульные за ними опричники си-
дят.*

*Вечерни льются вины на царские
ковры,
Поют ему с полночи лихие гуся-
ры,
Поют потехи брани, дела былых
времен,
И взятие Казани, и Астрахани
плен.*

Но голос прежней славы царя не

веселит,
Подать себе личину он кравчему
велит:
«Да здравствуют тиуны, оприч-
ники мои!
Вы ж громче бейте в струны, бая-
ны-соловьи!
ебе личину, други, пусть каждый
изберет,
Я первый открываю веселый хоро-
вод,
За мной, мои тиуны, опричники
мои!
Вы ж громче бейте в струны, бая-
ны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял
лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло
князь Репнин.
«О царь! Забыл ты Бога, свой сан
ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой
окружил!
Рассыпь державным словом де-
тей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в маш-
каре плясать!»

Но царь, нахмурия брови: «В уме
ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи,
строптивый раб!
Не возражай ни слова и машкару
надень —
Или клянусь, что прожил ты свой
последний день!»
Тут встал и поднял кубок Репнин,
правдивый князь:
«Опричина да сгинет! – он рек,
перекрестясь. —
Да здравствует во веки наш пра-
вославный царь!
Да правит человеки, как правил
ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыд-
ной лести глас!
Личины ж не надену я в мой по-
следний час!»
Он молвил и ногами личину рас-
топтал;

Из рук его на землю звенящий ку-
бок пал...
«Умри же, дерзновенный!» – царь
вскрикнул, разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Реп-

нин, правдивый князь.

*И вновь подъяты кубки, ковши
опять звучат,
За длинными столами опричники
шумят,
И смех их раздаётся, и пир опять
кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не
веселит:
«Убил, убил напрасно я верного
слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не
могу!»*

*Напрасно льются вины на царские
ковры,
Поют царю напрасно лихие гуся-
ры,
Поют потехи брани, дела былых
времен,
И взятие Казани, и Астрахани
плен.*

1840-е годы

* * *

*В колокол, мирно дремавший, с
налета тяжёлая бомба*

Грянула; с треском кругом от нее
разлетелись осколки;
Он же вздрогнул, и к народу могучие
медные звуки
Вдаль потекли, негодуюя, гудя и на
бой созывая.

5 декабря 1855

* * *

Ходит Спесь, надувающихся,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.

А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибаться!

Ой, каб Волга-матушка да вспясть
побежала!

Кабы можно, братцы, начать
жить сначала!

Ой, кабы зимою цветы расцвета-
ли!

Кабы мы любили да не разлюбля-
ли!

Кабы дно морское достать да из-
мерить!

Кабы можно, братцы, красным
девкам верить!

Ой, кабы все бабы были б молоди-
цы!

Кабы в полугаре поменьше води-
цы!

Кабы всегда чарка доходила до
рту!

Да кабы приказных побоку, да к
черту!

Да кабы звенели завсегда карма-
ны!

Да кабы нам, братцы, да свои
кафтаны!

Да кабы голодный всякий день обе-
дал!

Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

1856

* * *

У приказных ворот собирался народ

Густо;

Говорит в простоте, что в его животе

Пусто!

«Дурачье! – сказал дьяк, – из вас должен быть всяк

В теле:

Еще в Думе вчера мы с трудом осетра

Съели!»

На базар мужик вез через реку обоз

Пакли;

Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через мост,

Так ли?

«Вишь, дурак! – сказал дьяк, – тебе мост, чай, пустяк,

Дудки?

Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек

Утки!»

Как у Васьки Волчка вор стянул
гусака,

Вишь ты!

В полотенце свернул, да поймал
караул,

Ништо!

Дьяк сказал: «Дурачье! Полотен-
це-то чье?

Васьки?

Стало, Васька и тать, стало,
Ваське и дать

Таску!»

Пришел к дьяку больной, говорит:
«Ой, ой, ой,

Дьяче!

Очень больно нутру, а уж вот по-
утру

Паче!

И не лечь, и не сесть, и не можно
мне съесть

Столько!»

«Вишь, дурак! – сказал дьяк, – ну
не ешь натошак;

Только!»

Пришел к дьяку истец, говорит:
«Ты отец

Бедных,

Кабы ты мне помог – видишь де-
нег мешок
Медных, —
Я б те всыпал, ей-ей, в шапку де-
сять рублей,
Шутка!»
«Сыпь сейчас, – сказал дьяк, под-
ставляя колпак, —
Ну-тка!»

1857

ПРАВДА

Ах ты гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка сто-
ишь!
Ты горами поднялась до поднебе-
сья,
Ты степями, государыня, раскину-
лась,
Ты морями разлилась синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!

Не объехать кругом тебя во сто
лет,
Посмотреть на тебя – шапка ва-
лится!
Выезжало семеро братьев,

Семеро выезжало добрых молодцев,
Посмотреть выезжали молодцы,
Какова она, правда, на свете живет?

А и много про нее говорено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.
Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде со семи концов,
И увидели правду со семи сторон.

Посмотрели добры молодцы,
Покачали головами удалыми
И вернулись на свою родину,
А вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему:
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.

И поспорили братья промеж со-

бой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И, рубясь, корились, ругались,
И брат брата звал обманщиком.

Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалых:
Умирая ж, каждый сыну наказывал,
Рубитися наказывал до смерти,
Полегли за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

А сказана притча не в осуждение,
Не в укор сказана – в поучение,
Людям добрым в уразумение.

1858

СТАРИЦКИЙ ВОЕВОДА

Когда был обвинен старицкий воевода,
Что, гордый знатностью и древностью рода,
Присвоить он себе мечтает цар-

ский сан,
Предстать ему велел пред очи
Иоанн.

И осужденному поднес венец бога-
тый,
И ризою облек из жемчуга и зла-
та,
И бармы возложил, и сам на свой
престол
По шелковым коврам виновного
возвел.

И, взор пред ним склонив, он пал
среди палаты,
И, в землю кланяясь с покорно-
стью трикраты,
Сказал: «Доволен будь в величии
своем,
Се аз, твой раб, тебе на царстве
бью челом!»

И, вспрянув тот же час со злобой
беспощадной,
Он в сердце нож ему вонзил рукою
жадной.

И, лик свой наклоня над свержен-

ным врагом,
Он наступил на труп узорным са-
погом
И в очи мертвые глядел, и с дро-
жью зыбкою
Державные уста змеилися улыб-
кой.

1858

* * *

1

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле ва-
рить?

– Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А где ты изволил крупы достать?

– За морем, матушка, за морем,
За морем, сударыня, за морем!

3

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,

Нешто своей крупы не было?
– Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

4

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?
– Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, пылкою!

5

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет крутень-
ка?
– Крутенька, матушка, крутень-
ка,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А ведь каша-то выйдет солона?
– Солона, матушка, солона,
Солона, сударыня, солона!

7

– Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто ж будет ее расхлебывать?
– Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!

1861

ЧУЖОЕ ГОРЕ

В лесную чащу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шелоге, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
«Какое мне дается горе!»
И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг
на коня!

«Эй, кто за плечами там сел у
меня?
Со мной, берегись, не шути ты!»
И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре;
Но внемлет ответ: «Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал кня-

жой,
Везешь Ярослава ты горе!»

«Ну, ври себе! – думает витязь,
смеясь, —
Вот, подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киев-
ский князь,
А горе небось его живо?»

Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря:
Вдруг снова к нему кто-то прыг
на коня
И на ухо шепчет: «Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!»

«Ну, видно, не в добрый я выехал
час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает
вас!»
Так думает витязь, главою скло-
нясь,
А конь уже шагом шагает.

Но вот и ступать уж ему тяжё-

ло,
И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сызнова прыг за
седло!

«Какого там черта еще принес-
ло?»

«Ивана Васильича горе!»

«Долой вас! И места уж нет за
седлом!

Плеча мне совсем отдавило!»

«Нет, витязь, уж сели, долой не
сойдем!»

И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

«Эх, – думает витязь, – мне б из
лесу вон

Да в поле скакать на просторе!

И как я без боя попался в полон?

Чужое, вишь, горе тащить осуж-
ден,

Чужое, прошедшее горе!»

1866

ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Пантелей-государь ходит по по-
лю,

И цветов и травы ему по пояс,

И все травы пред ним расступаются,
И цветы все ему поклоняются.

И он знает их силы сокрытые,
Все благие и все ядовитые,
И всем добрым он травам,
невредным,
Отвечает поклоном приветным,
А которы растут виноватые,
Тем он палкой грозит суковатою.

По листочку с благих собирает
он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие варит целебное.

Государь Пантелей!
Ты и нас пожалей,
Свой чудесный елей
В наши раны излей,
В наши многие раны сердечные;
Есть меж нами душою увечные,
Есть и разумом тяжко болящие,
Есть глухие, немые, незрящие,
Опоенные злыми отравами, —

Помоги им своими ты травами!

*А еще, государь, —
Чего не было встарь —
И такие меж нас попадаются,
Что лечением всяким гнушают-
ся.
Они звона не терпят гуслирного,
Подавай им товара базарного!*

*Всё, чего им не взвесить, не смерят,
ти,
Всё, кричат они, надо похерити;
Только то, говорят, и действитель-
тельно,
Что для нашего тела чувстви-
тельно;
И приемы у них дубоватые,
И ученье-то их грязноватое,
И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалей,
Суковатыя!*

Февраль 1866

УШКУЙНИК

*Одолела сила-удаль меня, молод-
ца,*

*Не чужая, своя удаль богатыр-
ская!*

*А и в сердце тая удаль-то не вме-
стится,*

*А и сердце-то от удали разорвет-
ся!*

*Пойду к батюшке на удаль горько
плакаться,*

*Пойду к матушке на силу в ноги
кланяться,*

*Отпустите свое детище дробё-
ное,*

*Новгородским-то порядкам
неученое,*

*Отпустите поиграти игры дет-
ские:*

*Те ль обозы бить низовые, купец-
кие,*

*Багрить на море кораблики ур-
манские,*

*Да на Волге жечь остроги басур-
манские!*

Осень 1870

...Прочел новое, еще нигде не напечатан-

ное стихотворение графа А. К. Толстого «Песня о Потоке-богатыре»; рукопись его принес Николай от автора и списал себе; по форме оно напоминает древнерусские былины и представляет аллегорически народ русский, в нем много ума и язвительности, несколько напоминающей его «Целителя Пантелея».

Н. С. Лесков [1]

(6 апреля 1871 года)

ПОТОК-БОГАТЫРЬ

1

*Зачинается песня от древних за-
тей,
От веселых пиров и обедов.
И от русых от кос, и от черных
кудрей,
И от тех ли от ласковых дедов,
Что с потехой охотно мешали
дела;
От их времени песня теперь пове-
ла,
От того ль старорусского краю,
А чем кончится песня – не знаю.*

2

У Владимира Солнышка праздник

идет,
Пированье идет, ликование,
С молодницами гридни ведут хоро-
вод,
Гуслей звон и кимвалов бряцанье.
Молодницы что светлые звезды го-
рят,
И под топот подошв, и под песен-
ный лад,
Изгибаясь, ходят красиво,
Молодцы выступают на диво.

3

Но Поток-богатырь всех других
превзошел:
Взглянет – искрами словно обме-
чет:
Повернется направо – что сизый
орел,
Повернется налево – что кречет;
Подвигается мерно и взад и вне-
ред,
То притопнет ногою, то шапкой
махнет,
То вдруг станет, тряхнувши куд-
рями,
Пожимает на месте плечами.

4

И дивится Владимир на строй-
ную статью,
И дивится на светлое око:
«Никому, – говорит, – на Руси не
плясать
Супротив молодого Потока!»
Но уж поздно, встает со княги-
нею князь,
На три стороны в пояс гостям
поклонясь,
Всем желает довольным остаться —
Это значит: пора расставаться.

5

И с поклонами гости уходят до-
мой,
И Владимир княгиню уводит,
Лишь один остается Поток мо-
лодой,
Подбочася, по-прежнему ходит,
То притопнет ногою, то шапкой
махнет,
Не заметил он, как отошел хоро-
вод,
Не слышал он Владимира ласку,
Продолжает по-прежнему пляс-
ку.

6

*Вот уж месяц из-за лесу кажет
рога,
И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала баба-яга,
И в Днепре заплескались русалки,
В Заднепровье послышался лешего
вой,
По конюшням дозором пошел до-
мовой,
На трубе ведьма пологом машет,
А Поток себе пляшет да пляшет.*

7

*Сквозь царьградские окна в хором-
ную сень
Смотрят светлые звезды, дивясь,
Как по белым стенам богатыр-
ская тень
Ходит взад и вперед, подбочася.
Перед самой зарей утомился По-
ток,
Под собой уже резвых не чувству-
ет ног,
На мостницы как сноп упадает,
На полтысячи лет засыпает.*

8

Много снов ему снится в полты-
сячи лет:
Видит славные схватки и сечи,
Красных девиц, внимает радуш-
ный привет
И с боярами судит на вече;
Или видит Владимира вежливый
двор,
За ковшами веселый ведет разго-
вор,
Иль на ловле со князем гуторит,
Иль в совете настойчиво спорит.

9

Пробудился Поток на Москве на
реке,
Пред собой видит терем дубовый;
Под узорным окном, в закутном
цветнике,
Распускается розан махровый;
Полюбился Поток красивому цве-
ток,
И понюхать его норовится По-
ток,
Как в окне показалась царица,
На Потока накинута гневно:

«Шеромыжник, болван, неученый
холоп!
Чтоб тебя в турий рог искриви-
ло!
Поросенок, теленок, свинья, эфи-
оп,
Чертов сын, неумытое рыло!
Кабы только не этот мой деви-
чий стыд,
Что иного словца мне сказать не
велит,
Я тебя, прощельгу, нахала,
И не так бы еще обругала!»

11

Испугался Поток, не на шутку
струхнул:
«Поскорей унести бы мне ноги!»
Вдруг гремят тулумбасы; идет
караул,
Гонит палками встречных с доро-
ги;
Едет царь на коне, в зипуне из пар-
чи,
А кругом с топорами идут пала-
чи, —
Его милость собираются тешить,
Там кого-то рубить или вешать.

12

*И во гневе за меч ухватился Поток:
«Что за хан на Руси своеволит?»
Но вдруг слышит слова: «То земной едет бог,
То отец наш казнить нас изволит!»
И на улице, сколько там было толпы,
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Все пред ним повалились на брюхи.*

13

*Удивляется притче Поток молодой:
«Если князь он, иль царь напоследок,
Что ж метут они землю пред ним бородой?
Мы честили князей, но не эдак!
Да и полно, уж вправду ли я на Руси?
От земного нас бога господь упаси!
Нам Писанием велено строго*

Признавать лишь небесного бога!»

14

И пытается у встречного он молодца:

«Где здесь, дядя, собирается вече?»

Но на том от испугу не видно лица:

«Чур меня, – говорит, – человек!»

И пустился бежать от Потока бегом;

У того ж голова заходила кругом,

Он на землю как сноп упадает,

Лет на триста еще засыпает.

15

Пробудился Поток на другой на реке,

На какой? не припомнит преданье.

Погуляв себе взад и вперед в холодке,

Входит он во просторное зданье,

Видит: судьи сидят, и торжественно тут

Над преступником гласный свершается суд.

Несомненны и тяжки улики,
Преступленья ж довольно велики:

16

Он отца отравил, пару теток
убил,
Взял подлогом чужое именье
Да двух братьев и трех дочерей
задушил —
Ожидают присяжных решенья.
И присяжные входят с довольным
лицом:
«Хоть убил, – говорят, – не вино-
вен ни в чем!»
Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: **браво!**

17

И промолвил Поток: «Со присяж-
ными суд
Был обычен и нашему миру,
Но когда бы такой подвернулся
нам шут,
В триста кун заплатил бы он ви-
ру!»
А соседи, косясь на него, говорят:
«Вишь, какой затесался сюда ре-
троград!

Отсталой он, то видно по пла-
тью,
Притеснять хочет меньшую бра-
тью!»

18

Но Поток из их слов ничего не
поймет,
И в другое он здание входит;
Там какой-то аптекарь, не то
патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна
только плоть
И что если и впрямь существует
Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

19

И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужи-
ка?»
Но Поток вопрошает: «Какого?»
«Мужика вообще, что смиреньем
велик!»
Но Поток говорит: «Есть мужик

и мужик:
Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»

20

«Феодал! – закричал на него патриот, —
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»

21

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Потокую бедою.
Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогресс.
И что кто-то заеден средою.
Меж собой вперерыв, наподобье

галчат
Все об общем каком-то о деле
кричат
И Потока с язвительным тоном
Называют остзейским бароном.

22

И подумал Поток: «Уж, Господь
борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе,
они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обо-
жать!
Мне сдается, такая потребность
лежать
То пред тем, то пред этим на
брюхе
На вчерашнем основана духе?»

23

В третий входит он дом, и объял
его страх:
Видит, в длинной палате воню-
чей,
Все острижены вокруг, в сюртуках
и в очках,

*Собрались красавицы кучей.
Про какие-то женские споря пра-
ва,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чье-то мертвое тело.*

24

*Ужаснулся Поток, от красавиц
бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах, какой он пошляк! как он
неразвит!
Современности вовсе не видно!»
Но Поток говорит, очутясь на
дворе:
«То ж бывало у нас и на Лысой Го-
ре,
Только ведьмы хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у них ко-
сы!»*

25

*И что видеть и слышать ему до-
велось:
И тот суд, и о боге ученье,
И в сиянье мужик, и девицы без
кос —*

*Всё приводит его к заключенью:
«Много разных бывает на свете
чудес!
Я не знаю, что значит какой-то
прогресс,
Но до здравого русского веча
Вам еще, государи, далече!»*

26

*И так сделалось гадко и тошно
ему,
Что он наземь как сноп упадает
И под слово прогресс, как в чаду и
дыму,
Лет на двести еще засыпает.
Пробужденья его мы теперь подо-
ждем;
Что, проснувшись, увидит, о том
и споем,
А покудова он не проспится,
Наудачу нам петь не годится.*

Начало 1871

...Федор Михайлович (Достоевский) прочел «Власа» Некрасова – и как прочел! Зала дрожала от рукоплесканий, когда он кончил чтение. Но публика не хотела еще расстаться с

знаменитым чтецом и просила его еще что-нибудь прочесть. Федор Михайлович и на этот раз не заставил себя долго просить; он сам, видимо, был сильно наэлектризован энтузиазмом публики и не ощущал еще усталости. Он прочел маленькую поэму графа А. К. Толстого «Илья Муромец» и при этом очаровал своих слушателей художественною передачею полной эпической простоты воркотни старого, заслуженного киевского богатыря-вельможи, обидевшегося на князя Владимира Красное Солнышко за то, что тот как-то обнес его чарою вина на пиру, покинувшего через это его блестящий двор и уезжавшего теперь верхом на своем «чубаром» в свое родное захолустье, через дремучий лес. Когда Федор Михайлович читал финальные стихи поэмы:

*И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;
Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой*

Пахнет темный бор...

одушевление его, казалось, достигло высшей степени, потому что заключительные слова «и смолой и земляникой пахнет темный бор...» были произнесены им с такою удивительною силою выражения в голосе, что иллюзия от истинно художественного чтения произошла полная: всем показалось, что в зале «Благородки» действительно запахло смолою и земляникою... Публика остолбенела, и, благодаря этому обстоятельству, оглушительный гром рукоплесканий раздался лишь тогда, когда Федор Михайлович сложил книгу и встал со стула.

М. А. Александров

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1

*Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;*

2

*Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,*

Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?»

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут – полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

7

*Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!*

8

*Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!*

9

*Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!*

10

*Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!*

11

*Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!*

12

*Вновь изведу я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»*

13

*И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;*

14

*Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.*

Май 1871

** * **

1

*Порой веселой мая
По лугу вертограда,
Среди цветов гуляя,
Сам-друг идут два лада.*

2

Он в мурмолке червленной,
Каменьем корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрест голени обвиты;

3

Она же, молодая,
Вся в ткани серебристой;
Звонят на ней, сверкая,
Граненые мониста,

4

Блестит венец наборный,
А хвост ее понявы,
Шурша фатой узорной,
Метет за нею травы.

5

Ей весело, невесте,
«О милый! – молвит другу, —
Не лепо ли нам вместе
В цветах идти по лугу?»

6

И взор ее он встретил,
И стан ей обнял гибкий.
«О милая! – ответил
Со страстною улыбкой, —

7

Здесь рай с тобою сущий!
Воистину все лепо!
Но этот сад цветущий
Засеют скоро репой!»

8

«Как быть такой невзгоде! —
Воскликнула невеста, —
Ужели в огороде
Для репы нету места?»

9

А он: «Моя ты лада!
Есть место репе, точно,
Но сад испортить надо
Затем, что он цветочный!»

10

Она ж к нему: «Что ж будет
С кустами медвежины,
Где каждым утром будит
Нас рокот соловьиный?»

11

«Кусты те вырвать надо
Со всеми их корнями,

*Индеек здесь, о лада,
Хотят кормить червями!»*

12

*Подняв свои ресницы,
Спросила тут невеста:
«Ужель для этой птицы
В курятнике нет места?»*

13

*«Как месту-то не быти!
Но соловьев, о лада,
Скорее истребити
За бесполезность надо!»*

14

*«А роща, где в тени мы
Скрываемся от жара,
Ее, надеюсь, мимо
Пройдет такая кара?»*

15

*«Ее порубят, лада,
На здание такое,
Где б жирные говяда
Кормились на жаркое;*

16

*Иль даже выйдет проще,
О жизнь моя, о лада,
И будет в этой роще
Свиной пастися стадо».*

17

*«О друг ты мой единый! —
Спросила тут невеста, —
Ужель для той скотины
Иного нету места?»*

18

*«Есть много места, лада,
Но наш приют тенистый
Затем изгадить надо,
Что в нем свежо и чисто!»*

19

*«Но кто же люди эти, —
Воскликнула невеста, —
Хотящие, как дети,
Чужое гадить место?»*

20

*«Чужим они, о лада,
Не многое считают:
Когда чего им надо,
То тащут и хватают».*

21

*«Иль то матерьялисты, —
Невеста вновь спросила, —
У коих трубочисты
Суть выше Рафаила?»*

22

*«Им имена суть многи,
Мой ангел серебристый,
Они ж и демагоги,
Они ж и анархисты.*

23

*Толпы их все грызутся,
Лишь свой откроют форум,
И порознь все клянутся
In verba вожакорум.*

24

*В одном согласны все лишь:
Коль у других именье
Отымешь и разделишь,
Начнется вожделенье.*

25

*Весь мир желают сгладить
И тем внести равенство,*

Что всё хотят загадить
Для общего блаженства!»

26

«Поведай, шуток кроме, —
Спросила тут невеста, —
Им в сумасшедшем доме
Ужели нету места?»

27

«О свет ты мой желанный!
Душа моя ты, лада!
Уж очень им пространный
Построить дом бы надо!

28

Вопрос: каким манером
Такой им дом построить?
Дозволить инженерам —
Премного будет стоить;

29

А земству предоставить
На их же издивенье,
То значило б оставить
Постройку без движенья!»

30

*«О друг, что ж делать надо,
Чтоб не погибнуть краю?»
«Такое средство, лада,
Мне кажется, я знаю:*

31

*Чтоб русская держава
Спаслась от их затеи,
Повесить Станислава
Всем вожакам на шею!*

32

*Тогда пойдет все гладко
И станет все на место!»
«Но это средство гадко!» —
Воскликнула невеста.*

33

*«Ничуть не гадко, лада,
Напротив, превосходно:
Народу без наклада,
Казне ж весьма доходно».*

34

*«Но это средство скверно!» —
Сказала дева в гневе.
«Но это средство верно!» —
Жених ответил деве.*

35

*«Как ты безнравствен, право! —
В сердцах сказала дева, —
Ступай себе направо,
А я пойду налево!»*

36

*И оба, вздевши длани,
Расстались рассержёны,
Она в сребристой ткани,
Он в мурмолке червленной.*

37

*«К чему ж твоя баллада?» —
Иная спросит дева.
– О жизнь моя, о лада,
Ей-ей, не для припева!*

38

*Нет, полн иного чувства,
Я верю реалистам:
Искусство для искусства
Равняю с птичьим свистом:*

39

*Я, новому ученью
Отдавшись без раздела,*

*Хочу, чтоб в песнопенье
Всегда сквозило дело.*

40

*Служите ж делу, струны!
Уймите праздный ропот!
Российская коммуна,
Прими мой первый опыт!*

Июнь 1871

...Особенной любовью Есенина пользовался А. К. Толстой, даже во всех своих оперных, костюмерных балладах на былинные русские темы. Помнится, однажды завязался у нас по этому поводу дружеский спор.

– Нет! – кричал Есенин. – Не прав Чехов, когда говорит, что Толстой как надел боярскую шубу на маскараде, так и забыл ее снять, выйдя на улицу. Это не шуба, это душа у него боярская. Он своей Руси не выдумывал. Была, должно быть, такая.

Широкого он сердца человек! Ему бы тройку, да вожжи в руки, да в лунную ночь с откоса, по Волге, – так, чтобы только колокольчики да снежная пыль кругом!

Есть такая штучка у Толстого, «Сватовство»:

*По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!*

– так я за эту штучку сердце отдам! А «Алеша Попович»! А «Садко»! Помнишь, там на дне, у царя водяного, готов Садко от всех сокровищ отказаться

*...за крик перепелки во ржи,
За скрип новгородской телеги!*

А то, что он был выдумщик и мечтатель, это совсем не плохо. Поэту надо тосковать по несбыточному. Без этого он не поэт.

Вс. Рождественский

СВАТОВСТВО

1

*По вешнему по складу
Мы песню завели,
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!*

2

*Поведай, песня наша,
На весь на русский край,
Что месяцев всех краше
Веселый месяц май!*

3

*В лесах, в полях отрада,
Все вербы расцвели —
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!*

4

*Затем так бодр и весел
Владимир, старый князь,
На подлокотни кресел
Сидит облокотясь.*

5

*И с ним, блестя нарядом,
В красе седых кудрей,
Сидит княгиня рядом
За пряжей за своей;*

6

*Кружась, жужжит и пляшет
Ее веретено,
Черемухою пашет
В открытое окно;*

7

*И тут же молодые,
Потупившие взгляд,
Две дочери княжие
За пяльцами сидят;*

8

*Сидят они так тихо,
И взоры в ткань ушли,
В груди ж поется лихо:
Ой ладо, лель-люли!*

9

*И вовсе им не шьется,
Хоть иглы изломай!
Так сильно сердце бьется
В веселый месяц май!*

10

*Когда ж берет из мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обе дочки
Косят на окно.*

11

*Но вот, забыв о пряже,
Княгиня молвит вдруг:*

*«Смотри, два гостя, княже,
Подъехали сам-друг!*

12

*С коней прыгнули смело
У самого крыльца,
Узнать я не успела
Ни платья, ни лица!»*

13

*А князь смеется: «Знаю!
Пусть входят молодцы,
Не дальнего, чай, краю
Залетные птенцы!»*

14

*И вот их входит двое,
В лохмотьях и тряпьях,
С пеньковой бородой,
В пеньковых волосах;*

15

*Вошедши, на икону
Крестятся в красный кут,
А после по поклону
Хозяевам кладут.*

16

Князь просит их садиться,
Он хитрость их проник,
Заране веселится
Обману их старик.

17

Но он обычай знает
И речь заводит сам:
«Отколе, – вопрошает, —
Пожаловали к нам?»»

18

«Мы, княже-господине,
Мы с моря рыбаки,
Сейчас завязли в тине
Среди Днепра-реки!

19

Двух рыбок златоперых
Хотели мы поймать,
Да спрятались в кокорях,
Пришлось подождать!»

20

Но князь на это: «Братья,
Неправда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И с вами нет сетей!»

21

*Днепра ж светлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано в нем тины
От веку никогда!»*

22

*На это гости: «Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажем глаже:
Мы брыньские стрелки!*

23

*Стреляем зверь да птицы
По дебрям по лесным,
А ноне две куницы
Пушистые следим;*

24

*Трущобой шли да дромом,
Досель удачи нет,
Но нас к твоим хоромам
Двойной приводит след!»*

25

*А князь на это: «Что вы!
Трущобой вы не шли,*

*Лохмотья ваши новы
И даже не в пыли!*

26

*Куниц же бьют зимою,
А ноне месяц май,
За зверью за иною
Пришли ко мне вы, чай!»*

27

*«Ну, княже, – молвят гости, —
Тебя не обмануть!
Так скажем уж попросту,
Кто мы такие суть:»*

28

*Мы бедные калики,
Мы старцы-гусяры,
Но петь не горемыки,
Где только есть пирь!*

29

*Мы скрозь от Новаграда
Сюда с припевом шли:
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!*

30

*И если бы две свадьбы
Затеял ты сыграть,
Мы стали распевать бы
Да струны разбирать!»*

31

*«Вот это, – князь ответил, —
Другой выходит стих,
Но гуслей не заметил
При вас я никаких;*

32

*А что с припевом шли вы
Сквозь целый русский край,
Оно теперь не диво,
В веселый месяц май!*

33

*Теперь в ветвях березы
Поют и соловьи,
В лугах поют стрекозы,
В полях поют ручьи,*

34

*И много, в небе рея,
Поет пернатых стай —
Всех месяцев звончее
Веселый месяц май!*

35

*Но строй гусярный, други,
Навряд ли вам знаком:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечом!*

36

*В мешке не спрятать шила,
Вас выдал речи звук:
Пленкович ты Чурило,
А ты Степаныч Дюк!»*

37

*Тут с них лохмотья спали
И, светлы как заря,
Два славные предстали
Пред ним богатыря;*

38

*Их бороды упали,
Смеются их уста,
Подобная едва ли
Встречалась красота;*

39

*Их кровь от сил избытка
Играет горячо,*

*Корсунская накидка
Надета на плечо;*

40

*Коты из аксамита
С камением цветным,
А бёрга вкрест обвиты
Обором золотным;*

41

*Орлиным мечут оком
Не взоры, но лучи;
На поясе широком
Крыжатые мечи.*

42

*С притворным со смущеньем
Глядят на них княжны,
Как будто превращеньем
И впрямь удивлены;*

43

*И взоры тотчас тихо
Склонили до земли,
А сердце скачет лихо:
Ой ладо, лель-люли!*

44

*Княгиня ж молвит: «Знала
Я это наперед,
Недаром куковала
Кукушка у ворот,*

45

*И снилось мне с полночи,
Что, голову подняв
И в лес уставя очи,
Наш лает волкодав!»*

46

*Но, вид приняв суровый,
Пришельцам молвит князь:
«Ответствуйте: почто вы
Вернулись, не спросясь?»*

47

*Указан был отселе
Вам путь на девять лет —
Каким же делом смели
Забуть вы мой запрет?»*

48

*«Не будь, о княже, гневен!
Твой двор чтоб видеть вновь,
Армянских двух царевен
Отвергли мы любовь!»*

49

*Зане твоих издавна
Мы любим дочерей!
Отдай же их, державный,
За нас, богатырей!»*

50

*Но, вид храня суровый,
А сам в душе смеясь:
«Мне эта весть не нова, —
Ответил старый князь. —*

51

*От русской я державы
Велел вам быть вдали,
А вы ко мне лукаво
На промысел пришли!*

52

*Но рыб чтоб вы не смели
Ловить в моем Днепру,
Все глуби я и мели
Оцепами запру!*

53

*Чтоб впредь вы не дерзали
Следить моих куниц,*

*Ограду я из стали
Поставлю круг границ;*

54

*Ни неводом вам боле,
Ни сетью не ловить —
Но будет в вашей воле
Добром их приманить!*

55

*Коль быть хотят за вами,
Никто им не мешай!
Пускай решают сами
В веселый месяц май!»*

56

*Услыша слово это,
С Чурилой славный Дюк
От дочек ждут ответа,
Сердец их слышен стук.*

57

*Что дочери им сказали —
Кто может, отгадай!
Мы слов их не слышали
В веселый месяц май!*

58

*Мы слов их не слышали,
Нам свист мешал дроздов,
Нам иволги мешали
И рокот соловьев!*

59

*И звонко так в болоте
Кричали журавли,
Что мы, при всей охоте,
Расслышать не могли!*

60

*Такая нам досада,
Расслышать не могли!
Ой ладо, диди-ладо!
Ой ладо, лель-люли!*

Июнь 1871

Примечания

Н. С. Лесков (1831 – 1895) – русский писатель.

[^^^]